

УДК 87.329.1:316.42

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ СЕМЬЕ: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ В ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

З.А. Коркмазова

Рассматривается этнокультурная преемственность в северокавказской семье, раскрывается ее сущность и значение в достижении этносоциальной стабильности в полиэтничном регионе на современном этапе.

Ethnic cultural succession in the Northern Caucasus family is considered. The essence and the significance of this phenomenon in achieving the ethnic social stability in polyethnic region at the modern stage are discussed.

Рассматривая семью как социальный институт, выполняющий функции физического и духовного воспроизводства поколений, остановимся на некоторых вопросах этнокультурной преемственности в северокавказской семье. Сложность этой задачи обусловлена тем, что за XX век (особенно за последние 40 – 50 лет) наиболее интенсивно, начиная с 1980 – 1990-х г.г., духовные ценности народов претерпевают значительные изменения, выражающиеся в падении нравственности, предании забвению подлинно национальных традиций, в ухудшении отношений межличностного характера, в частности, между родителями и детьми, стариками и молодыми, родственниками. Научно-технический прогресс своими достижениями, особенно в области телевидения, коснулся каждой семьи, каждого дома, неся с собой не только широкие возможности приобщения миллионов людей к событиям исторического прошлого и современным мировым процессам, к культурным шедеврам цивилизаций, доказывая могущество гения человека и широту спектра его возможностей (как физических, так и духовных), но и, навязывая разлагающую человеческие души, разрушающую традиции и нравственные устои народов, выворачивающую наизнанку интимные стороны жизни людей, «культуру наоборот» – контркультуру, насаждающую насилие, порнографию, низменные страсти, неуважение к человеческому достоинству; культуру, неприемлемую многими народами, в том числе северокавказскими.

Низкопробная культура, основывающаяся на бездуховности и убогой экономике, сеет раздор между отцами и детьми, между прошлым и настоящим, смешивает подлинные и мнимые ценности, деградирующе действует на общество. Благодаря ей происходит, как пишут современные западные философы Х.Ортега-и-Гассет, К.Ясперс, А.Камю, Ж.-П. Сартр, М.Хайдеггер, Э.Фромм и др., омассовление, технизация жизни, социальное и духовное «опустынивание», в которых живет современный человек и ведет сумасшедшие гонки за прибылью, не останавливаясь ни перед чем. И как следствие всего этого, главной целью жизни деформируемого человека, по выражению Э. Фромма, становится обладание (даже через разрушение наиболее ценного, стоящего), обеспечивающее ему надежность социального статуса и общественного престижа.

На фоне происходящих в обществе негативных, деградиционных процессов великой жизнеутверждающей (и сохраняющей жизнь) силой, образующей микро- и макросоциальную, духовно-нравственную опору общества на уровне Северного Кавказа, выступают институты традиционной этнокультуры, поддерживающие авторитет и целостность северокавказской семьи и благотворно влияющие на этносоциальную стабилизацию в регионе.

Формируясь и утверждаясь на протяжении многих поколений, эти институты, подпитываемые достижениями культур соседних, родственных народов, действовали и ныне функционируют в форме традиций и неписаных законов адатов.

У карачаевцев и балкарцев, к примеру, традиционно бытует такой прекрасный обычай, как «мамат». При выполнении сложных трудовых операций, требующих больших усилий, люди работают совместно, оказывая друг другу бескорыстную помощь. Это, как и куначество, – особый тип побратимства людей. Такие обычаи и традиции есть и у многих народов, но в зависимости от их этнической специфики и исторических условий возникновения они отличаются по формам проявления. Так у адыгов (адыгейцев, кабардинцев и черкесов), если семья живет бедно, ей помогают все сообща, вызволяя из нужды.

В наиболее концентрированном виде обычаи, традиции и адаты сосредоточены в этикете народов – этноэтикете (например, у адыгских народов – в «Адыгэ-хабзэ» – адыгском этикете, у других этносов – в другой форме). Здесь мы остановимся на некоторых из них, с нашей точки зрения, наиболее существенных.

Среди многих институтов традиционной этнокультуры на Северном Кавказе особо выделяется институт почитания старших. Уважение к седине, к возрасту – основополагающий принцип этикета,

морали кавказских народов. Почитание старших, родителей, в целом культ старших, естественно, не сугубо только кавказское (или северокавказское) явление. Оно характерно всем народам, однако в наиболее целомудренном виде, пожалуй, свойственно восточным этносам, в том числе кавказским. Горцы Северного Кавказа на протяжении своей долгой, нелегкой истории пришли к выводу, что главный «регулятор» этносоциальных, межпоколенных отношений – внутрисемейный порядок, дисциплина, а порядок всегда там, где бережно, с уважением, любовью, даже некоторым трепетом относятся к старшим, особенно старым людям, родителям, аккумулирующим в себе многовековую этническую культуру и генерирующим ее молодым.

Старшие в семье, в роду на Северном Кавказе пользовались и пользуются большим уважением и почетом. В связи с этим у каждого народа существовали этикетные символы. Например, у осетин на мужской половине дома у очага обычно стояла специально сколоченная скамейка – своего рода кресло с резной спинкой. Оно служило сидением для старшего в доме мужчины. По старым обычаям никто, кроме старика, не смел садиться на это «священное сиделище» [1]. По правую сторону от очага, ниже этого своеобразного «трона», полукругом располагались небольшие треногие стулья-табуретки или простейшего устройства скамейки на 2 – 3 человека. В некоторых домах стулья и скамейки заменялись деревянной или каменной лавочкой вдоль стены. Когда семья бывала в сборе, вся мужская половина сидела на этих стульях или лавочках [2].

Присутствие старшего в доме в определенной степени напоминало присутствие полководца при войсках. В семейном коллективе поддерживался мир и обеспечивалось спокойствие. Старший, пока позволяли силы, руководил отправлением семейно-родового культа, обрядами, связанными с хозяйственной деятельностью семьи, занимался сложными межсемейными вопросами, регулированием отношений в роду, участвовал в проведении сельских сходов и принятии на них общественно-значимых решений и т.д. Члены семьи безусловное уважение к старшему оказывали не только потому, что он был старше всех в доме и издавна повелось так, но еще и потому, что он обладал большим жизненным опытом и житейской мудростью, чем они сами, ибо этот опыт приобретался годами. От авторитета главы семьи, от его тактичности, соблюдения строгой справедливости, умения держать себя, а также от способности поддерживать мир и порядок среди многочисленного состава семейного коллектива зависела в значительной степени устойчивость семьи, налаженность ее хозяйственной деятельности [3].

«Старейший» в доме и «старший дома» – понятия не всегда синонимичные. «Старейший» – категория возрастная, а «старший» – понятие, прежде всего, связанное с функциональными обязанностями. Старейший уже заслужил почет и уважение в своем доме и у общественности, а старший еще должен их заслужить своим умом, талантом, умением быть прагматичным, своей дипломатией и т.п. Старшим при живых, но уже при старых отце, дедушке, мог стать старший или средний сын. А в случае отсутствия таковых старших заменяли мать, старшая в доме женщина.

Присутствие старших дисциплинировало младших, последние учились у первых мудрости, такту, выдержке, хозяйственным навыкам, умению держаться в обществе. Этикетные нормы поведения северокавказцев предполагают соблюдение норм обычного права народов этого сложного полиэтничного региона.

Почитание и уважение старших у северокавказцев проявляется и в такой традиции, как *приветствие старшего младшим*, когда последний, оказывая уважение первому, обязательно встает, уступая свое место, и не садится до тех пор, пока старший не сядет и не пригласит его сесть. Исследователь адыгского этикета Б.Х. Бгажноков, акцентируя внимание на некоторых тонкостях национальной традиции уважения старших, пишет: «Младшим в присутствии старших вменяется в долг проявлять скромность; хвастовство, бахвальство и вообще какие-либо пространные речи о своей персоне считаются грубым нарушением этикета. Молодой человек всем видом должен выражать внимание, уважение к старшему, готовность выполнить любое его поручение. Такая постановка исключает возможность держать руки в карманах, стоять полусогнутым, сидеть развалившись, ерзать на стуле, поворачиваться к другим спиной, чесать затылок, нос, курить, жевать, подпирать щеку или лоб рукой, имеются специальные вежливо-скромные формулы обращения к старшим, для выражения им благодарности, особым правилам подчиняется размещение старших и младших в пространстве и т.д.» [4].

Многие нормы из этикета народов Северного Кавказа, как отмечалось выше, соблюдаются и в настоящее время. Старики в семьях традиционно пользуются уважением и вниманием со стороны близких и родственников, в том числе со стороны младших. Причем родственники свою заботу проявляют не только о ближайших старых родственниках, но и, насколько это возможно сегодня, о дальних. Это обуславливает и отсутствие в регионе домов престарелых, интернатов для одиноких. Здесь гораздо меньше, чем в других местах, или вовсе нет брошенных и беспризорных стариков, тех, которых взрослые дети, внуки могли бы сдать в эти учреждения. Общественное мнение на Северной Кавказе

строго контролирует рассматриваемое явление, и несмываемым позором бы покрыли себя те семьи и те роды, которые совершили бы этот непростительный шаг.

Вместе с тем классовая дифференциация общества, ускорение темпов этносоциального развития, урбанизация жизни, отсутствие условий для строгого соблюдения этикета, развращающее влияние ряда средств массовой информации, негативное влияние «массовой культуры» с противоположными традициями и многое другое обуславливают в северокавказской семье переоценку духовных ценностей, в том числе ценностей традиционной культуры. Происходит «корректировка» и института уважения к старшим, в результате чего ослабевают узы родства, ухудшается моральное самочувствие в семье и семейных отношениях в регионе.

Отношение к старшим неразрывными узами связано с отношением к женщине. Много работ (нередко так называемых «научных») написаны о «бедственном», «беззаконном положении женщин» в горской, в частности, северокавказской семье. Чаще всего так утверждалось из-за идеологических соображений, с целью дискредитации религиозных ценностей в вопросах семьи, взаимоотношений мужей и жен, родителей и детей, а также ценностей, сформировавшихся в рассматриваемой сфере в истории народов. Споры нет, в прошлой жизни народов Северного Кавказа, как и в жизни других народов, существовал целый узел неразрешенных вопросов во взаимоотношениях супругов, членов семейно-родственной общины, усугубляемых консервативными традициями и религиозными предписаниями. Однако для кавказского, северокавказского, в частности, мужчины не было достоинства большего, чем защитить честь, достоинство, положение женщин ближайшего круга, а также женщин рода. В целях защиты семьи, рода, женщин мужчины могли пойти на крайнюю меру – на убийство обидчика, совершившего их оскорбление. Общественное мнение было на стороне первых, т.е. оправдывало такой поступок мужчины.

Во многих сельских обществах Дагестана, к примеру, в прошлом было оговорено, что общественность выступает в защиту обиженных, оскорбленных. Так, адаты Тиндальского наибства Хваршинского общества Дагестана предусматривали: «За оскорбление девушки или вдовы виновный платит обиженной 25 руб. и, кроме того, изгоняется из общества на 3 месяца и т.д.» [5].

Подобные меры наказания за оскорбление женщины определяли и адаты Каратинского наибства. За оскорбление девушки или вдовы виновный платит обиженной по суду 40 руб. и изгоняется из общества на 1 год; за оскорбление замужней женщины виновный платит 50 руб. и изгоняется из общества также на 1 год [6].

Изгнание из общества, отлучение от него на Северном Кавказе означали для человека и его семьи суровое наказание, так как общественное мнение регулярно, систематически напоминало им о позоре содеянного. Преступившему обычай, закон гор человеку, его семье и роду долгое время приходилось восстанавливать свое доброе имя. Кстати, традиции изгнания из общества существовали и существуют и в других странах, у других народов. Они практически всегда всеми воспринимаются тяжело. Например, для японца, как писал журналист В. Цветов, нет более жестокой кары, чем оказаться выброшенным из общины в чужой мир, простирающийся за ее границами. К такому наказанию приговаривают за попрание интересов общины, за игнорирование ее мнения, оценки. Японец рассматривает себя частью какой-либо общности [7].

В этикете горцев общественное мнение занимало и занимает архиважное место: «Что скажут люди?», «Как поймут твой поступок?», «Что скажут соседи?», «Лучше умереть, чем видеть результаты твоего поступка» и пр. – таковы выражения, отражающие реакцию общественности на недостойные действия, поступки близких людей. Видный адыгский писатель Т. Керашев в этой связи писал: «Адыгеец воспитывался в строгих обычаях и правилах поведения. Он жил с постоянной оглядкой на строгий людской суд» [8].

Особым уважением и почетом пользовалась и пользуется женщина у осетин и адыгов. Это нашло отражение в нартском эпосе тех и других народов и подтверждение в их практической жизни – в общественном сознании и семейно-бытовой морали. Например, в кодексе моральных установок осетин уважение к женщине занимало первое место, что было само собой разумеющимся явлением, обуславливающимся, кроме всего прочего, и пережитками матриархальных отношений.

Уважение к женщине, особенно к старшей женщине, матери у осетин проникновенно описывалось в повествованиях и этнографических материалах отечественных и зарубежных гостей этого народа. Знарок осетинского быта М. Мисиков давал такую характеристику феномену осетинского этикета: «Когда женщины проходят мимо сидящих мужчин, даже глубоких стариков, то последние встают, приветствуя их. Женщины застенчиво приостанавливаются и, если среди них есть старуха, то она довольно громко благодарит их за внимание и просит сесть. Затем продолжают свой путь. Сколько бы ни сидело мужчин, все до единого встают, если даже проходит одна женщина... Перед женщинами пожилыми все мужчины моложе их должны стоять и оказывать всякие почести, как старшим» [9].

Женщины же являлись регулирующей силой в сложных и опасных ситуациях. У северокавказских горцев считалось, что только женщина в состоянии приостановить кровопролитную схватку между заклятыми врагами. Отмечая это, западноевропейский исследователь XVIII в. Штедер писал: «Тот считается в безопасности, кого взяла под свою защиту женщина. Когда женщины вмешиваются в кровавые схватки с распущенными волосами, то все пристыженные вкладывают сабли в ножны и расходятся» [10].

О значительном весе женщин-горянок в обществе говорят многие факты из их общественной и брачно-семейной жизни. Так, женщины свободно могли наравне с мужчинами участвовать в общественных играх, на призах. Крайне редки были (эта традиция сохраняется в настоящее время) случаи грубого обращения с женщиной. Бить женщину считалось и считается позором. В случае, когда семейная жизнь становилась невыносимой, женщина могла свободно расторгнуть брак и уйти в дом родителей. В дом родителей возвращалась молодая жена, чтобы родить первого ребенка, или, родив в доме мужа, уезжала с малышом (мальчиком) в родительский дом на несколько недель. В целом материнский род, особенно дяди по матери, играли большую роль в судьбе своих племянников и племянниц, начиная от детского возраста, кончая взрослой их жизнью.

Как уже отмечалось, высокое положение в семейно-брачной жизни было характерно для женщины-горянки. Выражалось это в глубоко почитательном, рыцарском к ней отношении со стороны мужчин; в стремлении помочь женщине в беде, выполнить по возможности всякую ее просьбу. В традиции северокавказских горцев приветствие женщины выполнено вставанием со стороны мужчин; в ее способности остановить дуэль мужчин опусканием платка между дерущимися, предупредить убийство или другую трагедию, убедив их участников в бессмысленности затеваемого дела, в организации спасения преследуемого врагами мужчины, спрятав его в своей комнате и т.п.

Многие достоинства женщины, ее домовитость, хозяйственная смекалка, дипломатичность в концентрированном виде нашли отражение в народной мудрости на Северном Кавказе: «Мужчину делает мужчиной женщина, женщину делает женщиной воспитанность»; «Ты забей один кол, а хорошая жена превратит его в хозяйство».

Оценивая самочувствие женщины в условиях дома, известный кавказовед-просветитель Хан-Гирей отмечал: «Все те, кто судит о домашнем быте черкесов по образу жизни других азиатских народов, исповедующих магометанскую веру, о том имеет ложное понятие. Рыцарское честолюбие много прекрасного ввело в их обычай. К числу прекрасных черт можно отнести и величайшее уважение к женщинам, которого прекрасный, но слабый сей пол достоин вполне» [11].

Немало уважительного по отношению к женщине содержали и содержат этикетки других народов региона. Воздавая должное главной женщине-матери, даргинцы говорят: «Для матери хоть ячницу на ладони изжарь – все равно будешь в долгу». С. Гаджиева, хорошо знающая семью народов Дагестана, пишет: «Подчиняясь веками нормам половозрастного разделения труда и установленным правилам поведения, мужья... всячески заботились о своих женах, защищали их честь и покой; их любовь, привязанность, преданность проявлялись в обеспечении дома всем необходимым, в доверии, в стремлении не вмешиваться в дела жены. Внешние же формы проявления заботы были скупы и сдержанны» [12].

Вне зависимости от того, в какой степени была загружена жена, у всех кавказских народов главой семьи, человеком, который несет ответственность за материальное, моральное, психологическое благополучие семьи, ее нравственную чистоту и физическое здоровье, является муж, отец – мужчина, чей авторитет создает и поддерживает мать, жена, все семейно-родственное окружение. И это важно, ибо чем выше настоящий авторитет мужа, отца, тем выше порядок в доме, семье.

Важнейшим институтом этнокультурной преемственности у народов Северного Кавказа выступает институт гостеприимства. О гостеприимстве кавказцев, как их визитной карточке, сказано много как зарубежными авторами, так и отечественными. Здесь нами будет затронут лишь один его аспект – воспитательный.

Возникнув в эпоху родоплеменных отношений, гостеприимство оказалось весьма жизнестойким институтом. Несмотря на бурные социальные потрясения в многовековых историях народов, в том числе народов Северного Кавказа, оно сумело сохраниться и показать свою «волю к жизни», хотя уже давно нет условий, его породивших, и той потребности, каковая была в нем в свое время. Гостеприимство выступает важным элементом духовной жизни народов региона и фактором, формирующим менталитет кавказского (в нашем случае – северокавказского) человека. Б. Бгажноков отмечает: «Будучи своего рода эпицентром национальных и межнациональных контактов, гостеприимство играло громадную роль в интенсификации, оптимизации общения внутри этноса и за его пределами. Оно стимулировало и облегчало передачу культуры от одного поколения к другому, выполняя тем самым функцию интеграции

и социального контроля. Наконец, гостеприимство способствовало трансляции и освоению культурных ценностей других, прежде всего соседних народов» [13].

Передаваясь из поколения в поколение, гостеприимство у северокавказских горцев превратилось в святую традицию, малейшее забвение которой вызывало негодование против нарушителя со стороны общества. По свидетельству знатока кавказских обычаев Ю.Клапрота, у осетин нарушение законов гостеприимства каралось даже смертной казнью. Провинившегося судило все село, которое выносило ему приговор: со связанными руками и ногами сбросить с высокого утеса в реку. Нарушителю традиций могли и сохранить жизнь, но общество объявляло ему бойкот – всеобщее презрение и изгнание из общества. О санкциях к нарушителю традиций гостеприимства у кабардинцев сообщает Ш. Ногмов: «Хозяин отвечает перед всем народом за безопасность чужеземца, и кто не сумел сберечь гостя от беды или даже простой неприятности, того судили и наказывали» [14].

По адатам дагестанских народов убийцу человека, находящегося в гостях, подвергали суду, штрафу и преследованию. Так, согласно адатам Тиндальского наибства Хваршинского общества, за убийство человека чужой деревни, бывшего в гостях в Хваршинском ущелье, хозяину гостя убийца платит тогда же 6 руб. и наследникам убитого имуществом на сумму 230 руб. после суда; кроме того, убийца покупает саван для покойного, а хозяин дома наливает воду при обмывании трупа.

Самое примечательное на Северном Кавказе то, что гость одного хозяина становится гостем всех родственников (всего рода) и соседей, нередко всех жителей села, которое оберегало гостя. У карачаевцев родственники и соседи помогали хозяину дома, принимающего гостя или гостей, необходимыми продуктами. Самый бедный горец во избежание позора делал все, чтобы достойно встретить и проводить гостей.

Законы гостеприимства были такими, что они оберегали даже убийцу в доме его врагов-кровомстителей, если он вверял им свою судьбу как гость. Крупнейший кавказовед Н. Дубровин писал в этой связи: «Каждый успевший сказать хозяину: «я твой гость» принимается по-братски, хотя он был врагом семейства» [15].

Сегодня на Северном Кавказе также строго действуют законы гостеприимства. Здесь принимают гостей с неменьшим радушием, чем когда-то, создают максимум удобств для отдыха, работы, самочувствия гостей. Ныне, пользуясь возможностями автотранспорта, хозяева стараются показать гостям свой город, свою республику, познакомить с их достопримечательностями, поездки сопровождаются угощениями и т.д.

Таким образом, этнокультурная преемственность на Северном Кавказе – один из важнейших институтов духовного развития семьи и укрепления семейных отношений. Соблюдение в северокавказской семье этнокультурной преемственности поколений способствовало дальнейшей этносоциальной стабилизации в регионе. Такие этнокультурные ценности горцев, как чувство чести и достоинства, дружбы и взаимопомощи, куначество, уважение к старшим и женщине, презрение к трусости и предательству, милосердие и т.д., оказывают и ныне благотворное влияние на жизнедеятельность и менталитет людей в регионе. И не случайно сегодня взоры многих ученых обращены к этим ценностям. Они выработывались веками в ходе хозяйственной и духовной деятельности народов Северного Кавказа. Они стимулировали рост их этнического самосознания, нравственно облагораживая их жизнь, сдерживали конфронтационные процессы в этносоциальных отношениях.

Сказанное следует дополнить следующим. Каждый народ в процессе своего исторического развития (вне зависимости, как это развитие происходило) – трагически или «безоблачно» – формировал собственную духовную культуру, свои этнокультурные ценности, одни из которых, выполнив свою миссию, сходили с исторической арены, другие, служа своеобразным «цементом», скрепляющим этносы, сохранились до сегодняшнего дня. Среди сохранившихся есть и такие, которые функционируют вопреки здравому рассудку, заставляя людей поступать неадекватно состоянию цивилизованности современного общества. Речь, в частности, идет о таком анахронизме, как традиция кровной мести, имеющая распространение в некоторых районах мира и сегодня, в том числе и на Северном Кавказе. Трудно сказать, сколько человеческих жизней унес и еще унесет этот варварский обычай. Но факт в том, что в конце XX в. и начале XXI в. этот обычай, бесспорно, остается атавизмом, вызывающим чувство отвращения.

Таким образом, приговор истории неумолим: одни этнокультурные ценности мы теряем, и они становятся достоянием истории, другие – «сохраняем», хотя их функции давно исчерпали себя. Теряем свои многовековые, временем проверенные, социальной практикой подтвержденные этнокультурные традиции и ценности (часто не знаем народных, семейных, трудовых традиций, песен, танцев, сказок, былин, легенд, эпоса, игр и пр.). Прав социолог К. Гостиев из Владикавказа, искренне предлагающий выход из этого положения – возродить те этнокультурные ценности в народных традициях и обычаях,

которые по тем или иным причинам, на том или ином этапе исторического развития выпали из них, уже не передаются от поколения к поколению, незаслуженно забыты, хотя могли бы быть использованы с успехом для духовного развития в северокавказской семье и для этносоциальной стабилизации в данном полиэтничном регионе. А многое из того, что родилось в недрах народной жизни, по-прежнему, отвечает требованиям этносоциальной стабилизации в общественной жизни, заслуживает не только возрождения, но и дальнейшего развития. Народы Северного Кавказа не могут, не должны жить без этнокультурных традиций, которые укрепляли бы этносоциальную стабильность в регионе на современном этапе.

Литература

1. Чурсин Г.Ф. Осетины (этнографический очерк). Труды Закавказской научной ассоциации. Тифлис, 1925. С. 147.
2. Магометов А.Х. Общественный строй и быт осетин (XVII – XIX в.в.). – Орджоникидзе: Изд-во Ир, 1974. С. 177.
3. Там же. С. 181.
4. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1978. С. 34.
5. Памятники обычного права Дагестана XVIII – XIX в.в. – М.: Наука, 1965. С. 129.
6. Там же. С. 147.
7. Цветов В. Пятнадцатый камень сада Реандзи. – М.: Политиздат, 1987.
8. Керашев Т. Состязание с мечтой. М., 1960. С. 4.
9. Мисиков М.А. Материалы по антропологии осетин. Одесса, 1916. С. 73.
10. Осетины во второй половине XVIII века по наблюдениям путешественника Штедера. Орджоникидзе, 1940. С. 31.
11. Хан-Гирей. Черкесские предания. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1989. С. 292.
12. Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. С. 84.
13. Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет... С. 50.
14. Ногмов Ш.В. История адыгского народа. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1947. С. 30.
15. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Очерки Кавказа и народов его населяющих. СПб., 1981. Т.1. Кн.1. С. 362.